

Юрий Евгеньевич Прохоров
(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина)

Русский язык и русская культура в новой геополитической коммуникации: quo vadis?

«Русскоязычный человек в инокультурном окружении» – воспользуемся частично названием чрезвычайно интересного и полезного сборника исследований, который вышел в 2004 г. в Хельсинки (Slavica Helsingiensia 24). Знакомство с помещенными в нем работами позволяет, как нам кажется, прийти к нескольким рассуждениям на данную тему.

I. Роль русского языка в мире изменилась по ряду позиций:

- его перестали изучать как неизбежный элемент школьной и вузовской системы образования в ряде стран (к ним можно отнести и новые независимые государства, возникшие на территориях в границах бывшего СССР);
- значительно сократилось изучение русского языка как «языка врага» или как «языка сверхдержавы»;
- его продолжают изучать как один из базовых культурных феноменов мировой цивилизации в объеме, сложившемся в силу исторических культурных контактов и реальной потребности в специалистах;
- его стали изучать (по потребностям) с учетом новых экономических, культурных и общественных связей между Россией и многими зарубежными странами (потребности взаимодействия официальных органов Европейского Союза с Россией, использования российского рынка, создание совместных предприятий, расширение культурных и туристских обменов и т.п.);
- его стали изучать в связи с возникновением значительных русскоязычных диаспор во многих странах, где по соответствующим законам в государственных органах могут использоваться языки национальных меньшинств.

Но эта ситуация изменила и набор целей, с которыми изучается русский язык – это изучение стало значительно более прагматическим. Это, в свою очередь, привело к тому, что изменилось и соотношение «изучение языка – (со)изучение культуры». Язык, который всегда – для большинства изучающих его! – был «средством для изучения», а не «предметом изучения» (этим предметом всегда он является только для будущих исследователей-филологов и будущих преподавателей-русистов), объективно несколько «отстраняется» от той культуры, которой он принадлежит и которая им же создана. (Опять надо подчеркнуть, что в основных целях изучения языка – хотя при некоторых целях культура и выходит на первый план – изучается язык для изучения культуры, общения или даже существования в этой культуре). Складывается достаточно сложное соотношение «языка и культуры» с учетом потребностей данного языка как языка коммуникации в разных лингвокультурных коммуникативных пространствах, под которыми понимается совокупность сфер речевого общения, в которой определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия.

1. Русский язык функционирует внутри русской культуры, обеспечивая общение в различных коммуникативных пространствах носителей этого языка и этой культуры – «внутрикультурное состояние»;
2. русский язык функционирует внутри русской культуры, обеспечивая общение в разных коммуникативных пространствах этой культуры носителей другого языка и другой культуры (например, мигрантов) – «околокультурное состояние»; большинство каких носителей не ассимилируются в «языке и культуре», а по необходимости «соблюдают ее» только в тех коммуникативных пространствах, где этого требует прагматика общения;
3. русский язык функционирует внутри иной культуры, но обеспечивает общение его носителей в некотором наборе коммуникативных пространств (внутрисемейном, внутридиаспорном), при этом элементы родной культуры часто заменяются элементами окружающей культуры, хотя и сохраняются некоторые элементы родной для языка культуры – «внешнекультурное состояние»;
4. русский язык функционирует как средство общения носителей/не носителей этого языка в рамках некоторой иной культуры, которая не является родной ни для языка, ни для его носителей (огромное количество коммуникативных пространств в сфере политики, экономики и даже различных бытовых ситуаций) – «вне-

культурное состояние» (например, для английского языка в настоящее время именно это его использование является основным).

Эти принципиально различные ситуации взаимоотношения языка и культуры с точки зрения обеспечения ими человеческого бытия могут быть рассмотрены и в других терминах – с опорой на предложенные Ю.М. Лотманом термин «семиосфера»¹ и Д.С. Лихачевым «концептосфера»². Речь идет, с одной стороны, о некоторой замкнутой конструкции – сфере: у нее есть ядро и периферия, этим она асимметрична, она имеет границы, отделяющие ее – как некоторый штучный экземпляр, хотя и построенный по образцу и подобию любого другого аналогичного штучного экземпляра – от других сфер. С другой стороны – есть некоторая незамкнутая, безграничная совокупность этих замкнутых единиц, которые составляют и наше знание, и правила реализации этих знаний, и средства реализации этих знаний и правил. Очевидно, разбираясь с терминами, логично было бы построить следующую модель:

1. Есть некоторая совокупность языковых единиц, которая позволяет группе человеческих единиц осуществлять с ее помощью общение. Эта совокупность устойчива в своем ядре и вариативна в своей периферии, незамкнута, структурно организована и в каждый конкретный момент самодостаточна – она может рассматриваться как феномен языка определенного этноса.

---

¹ «...любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как с е м и о с ф е р у» (Лотман 1999, 165; разрядка автора. – Ю.П.). «Если по аналогии с биосферой (В.И.Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» (там же, 163–164).

² «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя... Понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощении в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» (Лихачев 1993, 5, 9).

2. Каждая языковая единица в процессе своего существования в речевом общении «обрастает» определенной совокупностью ассоциативных связей с другими единицами – т.е. с одними единицами она может создавать такие связи (количество которых устанавливается в ходе ее реализации в различных сферах общения), с другими – не может (в каждый конкретный момент; диахронически состав этих возможных связей может быть различен). Таким образом, эта языковая единица образует вокруг себя некоторую семантическую сферу, элементы которой находятся или ближе, или дальше от нее – той конкретной языковой единицы, семантика которой рассматривается, но сфера эта замкнута, так как эта ассоциативная связь или наличествует, или отсутствует. Эти связи и способствуют, организуют реальное речевое общение представителей определенного этноса – носителей данного языка.
3. Совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети при организации речевого общения носителей данного языка образует семантическое пространство. Поскольку отдельные элементы в системе ассоциативных связей могут принадлежать нескольким семантическим сферам, это пространство и дискретно, и нерасторжимо – оно есть совокупность значений и смыслов, которыми оперирует определенный этнос в процессе своего речевого общения на определенном языке.
4. Каждая языковая единица, будучи знаком, фиксирует и именует определенную связь между явлением действительности, значением и смыслом этого явления. Если признать, что смысл есть «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» (Г.П. Щедровицкий), то и знак должен содержать – пусть виртуально, т.е. на уровне совокупности всех возможных ситуаций речевого общения, – и всю эту совокупность смыслов, проявляющихся с учетом реального процесса общения. В этих условиях знак может быть соотнесен, с одной стороны, с конкретной семиотической сферой, которая, так же, как и семантическая сфера, имеет ядерные знаковые характеристики (параметры) и периферийные, соотносимые с менее частотными ситуациями коммуникации. При этом собственно знак является и устойчивой, и мобильной структурой, обеспечивающей и единообразное понимание его в определенной языковой среде, и возможность использования его как метафоры в иных условиях речевого общения.

5. Совокупность семиотических сфер образует семиотическое пространство, где они, с одной стороны, располагаются в определенном взаимном соответствии, связанном с некоторыми параметрами их взаимного уподобления на уровне ядерных элементов семиосфер (схожие семиосферы, имеющие некоторый набор одинаковых элементов, будут находиться ближе друг к другу, что и способствует их более быстрой воспроизводимости в процессе общения по аналогии, по сходству). С другой стороны, их периферийные элементы могут входить и в другие семиосферы (в любом качестве, в том числе и ядерных элементов), что позволяет им всем контактировать на ассоциативном уровне в процессе построения речевого общения в зависимости от реальной ситуации этого общения.
6. Совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка – концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именованья их или их частей, а с другой – через посредство семиосфер связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира. Концептосфера построена по тому же принципу, что и две предыдущие: в ней также есть ядро и периферия, она также и дискретна, и нерасторжима. Она также связана своими отдельными элементами с множеством других концептосфер, и также «цельна» в совокупности своих базовых элементов семантических сфер и семиосфер.

Совокупность всех отдельных и «в меру» самостоятельных концептосфер образует концептуальное пространство. В связи с тем, что единицы каждого из двух других пространств объективно и планетарно (общечеловечески), и национально детерминированы (и элементы семантики, и элементы семиотики), то, естественно, такие же общечеловеческие и национально-специфические элементы входят и в концептуальное пространство «пребывания» любого этноса.

Если теперь вернуться к предложенным выше четырем ситуациям реализации взаимосвязи языка и культуры в осуществлении ими реального бытия личности, то можно отметить следующее:

1. При «внутрикультурном состоянии» связки языка и культуры они представляют собой конгруэнтно действующую голограмму, в которой на уровне языковой личности одновременно сосуществуют и одновременно изменяются все три сферы;
2. При «околокультурном состоянии» этой связки происходит сбой голограммы в соотношении семантической сферы («новой») и

двух других сфер – семиотической и концептуальной («старых»); на уровне языковой личности происходит интерференция «старых сфер» в «новую» – воздействие навыков, сформированных в рамках родной национальной культуры реципиента на восприятие и освоение нового для него явления;

3. При «внешнекультурном состоянии» связки языка и культуры происходит постоянно прогрессирующая конгруэнция элементов голограммы – постоянно варьируемое соотнесение всех трех сфер с учетом языка и условий общения;
4. При «внекультурном состоянии» связка языка и культуры постоянно варьируется по принципу дивергенции – в ситуации общения дифференциация элементов семиотической и концептуальной сфер разных культур, выбор возможностей их соотнесения и способов их реализации в иной для них, но общей для участников общения семантической сфере.

Указанные особенности соотнесения языка и культуры могут быть рассмотрены и на уровне таких составляющих коммуникации, как действительность, текст и дискурс, а с точки зрения обучения языку – на уровне экзистенциальной, текстовой и дискурсивной компетенций (см. Прохоров 2004).

II. Далеко не все исследователи готовы признать ту реальность, которая, на наш взгляд, очень точно зафиксирована редакторами упомянутого выше сборника А. Мустайоки и Е. Протасовой в предисловии: «Вслед за ростом русскоязычных сообществ за пределами мест исконного проживания происходит появление русскоязычной печати, образования, литературы, искусства, торговли, сферы обслуживания и, соответственно, терминологии – иными словами, выстраивалась инфраструктура жизни на русском языке, функционирующая в соответствии с законодательствами и отвечающая потребностям тех стран, где она формировалась. Соответственно, развивается и новая прагматика русскоязычного общения, появляются новые, *ad hoc* созданные и отчасти в последующем нормализаторски закрепленные слова русского языка, не известные в метрополии. Конечно, **в определенном отношении такое положение дел способствует отчуждению русского языка от русского человека (по национальности, гражданству или стране проживания) как единственно возможного его носителя, а также позволяет смягчить требования к качеству владения языком и отделить русскость и русскую культуру от собственно языка**» (Slavica Helsingiensia 24; 6; выд. нами – Ю.П.)

«Отчуждение» русского языка, с одной стороны, от русской культуры (распад лингвокультурного феномена), а с другой – действитель-

но, именно от русскости как этносоциокультурного феномена, объективно приводит к созданию некоторых социокультурных разновидностей русского языка. Естественно, что в странах СНГ или государствах Балтии этот процесс в самом начале, хотя и идет с различной скоростью. В государствах, где на протяжении длительного времени существуют диаспоры разных «волн» эмиграции, также по-разному в каждой волне происходит аналогичный процесс.

Ничего парадоксального в этом отчуждении нет. Более того, даже в пределах одного государства с многонациональным составом при всей «базовой» и определяющей культуре всегда существуют национально-территориальные разновидности организации речевого общения на государственном языке (не на уровне хорошего/плохого знания его), а именно с учетом того, на «территории» какой действительности и культуры он обеспечивает существование личности.

Реальные условия существования меняют содержание и формы речевого общения даже в рамках «гомогенной культуры/гомогенного языка»: самый простой пример – всем известные лексические различия между языком Москвы и языком Санкт-Петербурга, но аналогичные примеры можно найти и между языками европейской и азиатской частей России, они четко выражены в речи дальневосточного населения. Естественно, что в данном случае «базовая» составляющая имеет первостепенное значение (в силу единства государственных, социальных институтов, миграции населения внутри страны и др.). В языке диаспоры происходит иное. С одной стороны, этот язык «должен» максимально быстро переключиться от обслуживания человека в одной культуре на другую культуру – это требует сам процесс вживания/выживания. С другой, – процесс осмысления новой действительности базируется определенное время на старом когнитивном багаже, «старой культуре», поэтому процесс овладения новыми элементами речевого общения идет опережающими темпами, а «сознание» как бы «догоняет его».

Здесь можно вспомнить разработанную В. Тэрнером теорию ситуации «ритуала перехода» и центральной фазы этого перехода – «лиминального периода»: во время промежуточного «лиминального» периода особенности ритуального субъекта («переходящего») двойственны – он проходит через ту область культуры, у которой для него пока очень мало или вовсе нет свойств прошлого или будущего состояний.

Происходит первая стадия «перехода» – от русской языковой личности к русскоязычной личности. С точки зрения организации этой языковой личности (по Ю.Н. Караулову), которая включает вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни, на этом уровне влияние изменения прагматики общения больше трансформирует вер-

бально-семантический уровень, при значительном сохранении базового когнитивного уровня.

(Это показательно, например, для пребывания иностранцев, изучающих русский язык и даже неплохо владеющих им, в стране изучаемого языка. В силах обсуждать некоторые профессиональные или абстрактные проблемы, они первое время совершенно теряются в прагматике – например, на уровне обихода. Однако очень быстро «набирают» эту прагматику – происходит резкий рост вербально-семантической составляющей их общения, однако они остаются (исходя из незначительных сроков их пребывания) полностью в собственном когнитивном пространстве. После их возвращения в родную культуру прагматика «меняется обратно» – первое, что теряют иностранцы дома, это вербально-семантическая составляющая).

Вторая стадии перехода – переход от русскоязычной личности к русскоговорящей личности. Общение на русском языке сохраняется в конкретных коммуникативных пространствах, в принципе, достаточно ограниченных количественно и по числу участников, которые соотнесены прежде всего с новой, не базовой для этого языка культурой. Коммуникация строится на всех трех уровнях с учетом этой культуры, причем когнитивный и прагматический уровни, обусловленные новой культурой, полностью определяют вербально-семантическое содержание речевого общения.

Интересно посмотреть это на ряде примеров (жирным шрифтом выделены те элементы когнитивного и прагматического пространств, которые в принципе не имеют отношения к аналогичному русскому; жирным курсивом – те, когнитивная составляющая которых принадлежит новой культуре, но прагматическая может быть понята и в рамках старой культуры):

- (1) «Детсады «Иделиа» приглашают для работы воспитателей и помощников воспитателей, **имеющих 500 дней по безработице, для трудоустройства через город. Местоположение детсада Пасила также удобно для жителей Вантаа и Эспоо**» (С 7; 25)

«Детсады «Иделиа» приглашают на практику с **последующим продлением на «palkkatuki»** воспитателей и помощников воспитателей» (С 9; 25)

«Домик на берегу 30 км от Иматры. **81 сотка. Возм.строит. 200 м². Свой берег.** 68 тыс.

Установка русского телевидения. Низкие цены, оплата в рассрочку. Подключение и **срочная оплата НТВ-плюс**. Ремонт компьютеров и ТВ. PC-TV HUOLTO, Säterintie 16, Helsinki, KE-NÄ I, тел: (09)555 005 говорим по-русски». (С 9; 25).

Интересно, что совершенно новое когнитивное пространство в русском тексте может быть отражено как на русском языке, так на том языке, который ему принадлежит.

Во второй группе примеров межкультурная составляющая когнитивного пространства (можно ее назвать и глобальной) позволяет оценить текст как понятный, однако такой текст не может существовать на данном – русском – языке в реальном русском когнитивном пространстве:

- (2) «Старшеклассникам предстоит определить *основные предметы, которым они будут уделять основное внимание – специализация в финских школах начинается рано*»

«...она *получила Диплом города Хельсинки* как лучший студент профессионально-технических училищ столицы» (С 7; 5)

«Вот и закончились каникулы. *16-го августа 48 500 школьников Хельсинки сели за парты, в том числе и 4 600 первоклашек*» (С 7; 13)»

Третья группа примеров может быть оценена именно с точки зрения попытки «удержания» русского вербально-семантического пространства, однако реально, с одной стороны, противоречия между ним и двумя другими пространствами не снимаются, а с другой, – уже сказывается недостаточное понимание взаимосвязи этих трех пространств в русском речевом общении:

- (3) «Более 100 кресел оказались занятыми, и пришлось принести дополнительные стулья. Кто-то стоял и в проходах. Не удивительно: простым смертным не часто доводится лицезреть второе лицо государства, а тут еще и возможность задать ему вопросы и высказаться на наиболее важную тему.

Организатором встречи с *Матти Ванханеном* стала **женская сеть «Rasmus-naiset», которая выступает против расизма и насилия в обществе...**

Отвечая на вопрос одного иммигранта, *Матти Ванханен* сделал любопытное заявление, которое касается, пожалуй, всех иностранцев, проживших в Финляндии не один год. Один знакомый премьер-министра, который живет в Финляндии уже много лет, прекрасно говорит по-фински, заметил: «Разве я до сих пор иммигрант и иностранец? Нет, я – *новый финн!*» Эта новая терминология, прозвучавшая из уст самого премьер-министра страны, пришлась по душе многим и зал разразился аплодисментами» (ФТП 10;6).

В первом абзаце явно нарушены стилистические характеристики текста: «кресла – стулья», «простым смертным», «доводится лицемерить» – стремление сказать «как можно более по-русски» вступает в противоречие с содержанием текста. Конструкции «с Матти Ванханен~~ым~~» связана с нарушением правил склонения³.

Что касается конструкции «новый финн», то она ни содержательно, ни в плане коннотации совершенно не соответствует своему первоисточнику – «новый русский». В русском языковом сознании она имела (сейчас это выражение употребляется уже крайне редко!) абсолютно негативную оценку, говорилось всегда о ком-то, но не о себе – трудно представить русского, который с гордостью бы произнес «я – новый русский!». И тем более после этого не могло бы последовать аплодисментов...

Представленные рассуждения свидетельствуют о том, что в настоящее время ситуация с русским языком как лингвистическим феноменом и с русским языком как хранителем русской национальной культуры является чрезвычайно сложной и нуждается в активных исследованиях.

Адрес электронной почты автора: rector@pushkin.edu.ru

Источники

ФТП 10 – газ. «Финляндский торговый путь», 2007, № 10

С 9 – газ. «Спектр», 2007, № 9

С 7 – газ. «Спектр», 2005, № 7

---

³ Мужские иностранные имена и фамилии на согласный звук склоняются по типу склонения имен существительных: *Джонсона, Джонсону, о Джонсоне* (ср.: *слона, слону, о слоне*). Во всех падежах, кроме творительного, они обнаруживают полное совпадение форм с русскими фамилиями на *-ин (-ын)*, восходящими к притяжательным прилагательным и сохраняющими устаревшие краткие формы окончаний (*Каренина, Каренину, о Каренине*). Трудности возникают только при употреблении слова в творительном падеже. Правильно: *Джонсоном* (ср.: *слоном*), но *Карениным*. – Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке – М.: 1985. – §§ 149, 162.

Мы провели блиц-опрос носителей русского языка – преподавателей-русистов и студентов-филологов [около 50 чел.]: только 2 чел. предположили, что можно сказать и так, и так; остальные однозначно произнесли «Ванханен~~ом~~». Показательно также, что финские школьники, проходящие стажировку в Институте (около 15 чел.), в разной степени владеющие русским языком, как основной вариант предложили не склонять финскую фамилию.

Литература

- Лихачев Д.С. 1993. Концептосфера русского языка. *Изв. АН. Серия литературы и языка*. Т.52. N 1. 3–9.
- Лотман Ю.М. 1999. *Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история*. М.: «Языки русской культуры».
- Прохоров Ю.Е. 2004. *Действительность. Текст. Дискурс*. Москва: Флинта.
- Slavica Helsingiensia* 24. 2004. «Русский человек в иноязычном окружении». Под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. Helsinki.